

ЕДИНСТВО

Философская энциклопедия, т. 2, с. 104-106

(греч. *μονάς*, лат. *unitas*), – такая взаимосвязь определенных предметов, процессов, которая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему, в конечном счете, – в составе бесконечного во времени и пространстве мира. Материализм усматривает единство мира, единство всех многообразных явлений в их *материальности*, принимает его как факт, доказываемый всей историей познания и деятельности людей. Идеализм же истолковывает единство явлений лишь как *идеальное* единство, т.е. как продукт целесообразной деятельности субъекта (отдельного человека или абсолютно духа, бога).

Ранняя античная философия принимает единство мира и знания как самоочевидный и не требующий доказательств факт, как исходную предпосылку всех построений. Всеобщее единство явлений усматривается здесь в том, что все наблюдаемые человеком вещи и сам человек происходят из одного и того же материального первоначала, представляют собой различные видоизменения одних и тех же стихий или сочетания одних и тех же частиц. Всеобщее первоначало как основание и сущность единства явлений мира усматривается, как правило, в чем-то определенно телесном, чувственно воспринимаемом (вода, воздух, огонь и т.д.). Согласно Демокриту, единство мира, воспринимаемое чувствами, имеет свою основу в единстве, в одинаковости состава любой вещи – в атомах; мышление толковалось как род движения атомов огня. Пифагорейская школа заложила основы количественно-математической интерпретации единства, односторонне-нумерическую толкованию единства. Элейская школа (Парменид, Зенон), а вслед за ней Платон делают акцент на чисто логической стороне вопроса. Платон видел главную трудность не в том, чтобы понять и принять как единство, так и множество, а в том, чтобы понять, как единое существует во многом, а многое – в едином. При этом единое отождествлялось, в конце концов, с бестелесной идеей, а многое – с чувственно данным многообразием. Аристотель, пытаясь сочетать традиции античного материализма с моментами идеалистической диалектики Платона, насчитывает несколько значений понятия единства. Единство, причем единство «по существу», свойственно вещи, если она «непрерывна», или если у частей – одна материя, или вещи принадлежат к одному роду, или если у вещей определения их сущности неотличимы друг от друга. Стараясь найти всеобщее определение понятию единства, Аристотель склоняется к пифагорейско-платоновской традиции, определяя «...сущность единого – в том, что оно известным образом представляет собой начало числа»¹, однако, что «по числу одно [образуют] те [вещи], у которых материя одна»². При этом все, что едино «по числу», необходимо едино и «по виду», т.е. обязательно предполагает качественное тождество вещей, а обратной зависимости нет: «...то, что едино по виду, не все едино по числу»³.

Наиболее остро проблема единства встает в философии Нового времени как проблема единства мышления и действительности. В ходе многовековой борьбы материализма и идеализма постановка этого вопроса принимала самые разнообразные формы (например, единство бога и человека в богочеловеке, и т.д.). Подлинное ядро проблемы обнаружилось в споре о том, где находится основание единства теоретического знания: в единстве, т.е. во всеобщей связи материальных явлений, или же в имманентной природе познавательных

способностей субъекта. Материалисты (Спиноза, Дидро, Гольбах, Фейербах) усматривают единство мира в его материальности, а единство знания (системы представлений и понятий) толкуют как проявление этого универсального единства в сознании, как его отражение.

Кант, отказываясь решать вопрос о единстве явлений вне сознания, сводит проблему единства к проблеме единства субъекта, усматривая в «единстве апперцепции» «трансцендентальную» основу единства знания, т.е. толкует категорию единства прежде всего субъективно-психологически. Гегель, подвергая критике «психологизм» Канта, пытается истолковать единство как универсально-логическую категорию, приложимую также и к вещам вне сознания. Однако единство вещей вне сознания принимается в расчет лишь постольку, поскольку оно толкуется как продукт деятельности абсолютного мышления, и потому только как идеальное единство. «Мышление продуцирует единство и таким образом оно продуцирует само себя, ибо оно есть единое»⁴. Гегель отказывается от понимания единства как простого абстрактного тождества (или одинаковости) вещества или строения (форм) вещей и толкует единство как конкретное тождество явлений, т.е. как единство различного и противоположного. Такое единство осуществляется, согласно Гегелю, лишь путем их превращения друг в друга, как переход, и притом как переход противоположностей, постоянно совершающийся в процессе развития. В этом понимании единство осуществляется как раз через свою собственную противоположность – через различие и противоположность. Гегель предостерегает против понимания единства как продукта «внешней рефлексии», объединяющей разные явления на том основании, что и в том, и в другом можно заметить нечто «одинаковое», «одно и то же». Ибо при этом единство оказывается чем-то совершенно внешним по отношению к различиям (ко многому) и, во-вторых, само по себе случайно, формально, субъективно и распадается на совершенно неопределенное множество разных единств, оказываясь тем же самым, что и неопределенное множество.

Гегель требует понимать единство как определенное множество, т.е. как конкретное. Это понимание он демонстрирует на понятиях «бытия и ничто», «качества и количества» и т.д. Единство выступает как «притяжение» «отталкивающих» друг друга моментов, каждый из которых, взятый сам по себе, «не имеет силы» и есть сам по себе «лишь переход в свое другое». Единство тем самым оказывается конкретным единством, новой определенностью, включающей в себя оба момента. Так, единство бытия и ничто есть становление, единство качества и количества – мера, единство дискретности и непрерывности – количество и т.д. Иными словами, единство есть всегда нечто более содержательное и богатое, чем каждый из двух его абстрактных моментов, а не тощая абстракция, выражающая лишь то, что в них «одинаково» и отбрасывающая все остальное в них.

Однако вся эта диалектика, рождающая конкретное, определенное единство, совершается, согласно Гегелю, лишь в мышлении. Всеобщее конкретное единство, объединяющее природу с духом, осуществляется поэтому лишь в чистом логическом процессе, в переходе категорий друг в друга. Вещи и явления вне мышления конкретного единства не достигают, оставаясь навсегда внешними друг другу. Лишь мысль, переходя от одного определения к другому, связует их в единство, в «одно».

Диалектический материализм впервые соединил общий тезис материализма, согласно которому единство мира заключается в его материальности, с диалектическим пониманием проблемы единства. Единство так же реально вне сознания, как и многообразие, и всегда представляет собой конкретное, определенное единство. Конкретное единство в противоположность абстрактно-формальному единству, которое может быть и мнимым,

произвольным, искусственным, есть объективно-определенная связь и взаимообусловленность многих явлений в составе некоторого конкретного целого, есть многообразие, определенное как качественно, так и количественно. Чисто качественное единство явлений, выражаемое понятием, как и чисто количественное («нумерическое») единство, выражаемое числом и мерой, суть только абстрактно-теоретические формы выражения действительного единства, друг без друга это единство выразить неспособные.

Каждая наука имеет своим предметом определенное, конкретное единство многообразных явлений, относительно самостоятельную сферу действительности развивающуюся по своим специфическим закономерностям. Определяя конкретное как единство многообразного, Маркс в качестве типичного примера такого единства рассматривает товарно-капиталистическую формацию, как живое, развивающееся целое, как «тотальность». Выделение определенной сферы действительности как единства вовсе не субъективно, как это изображают субъективно-идеалистические системы, абсолютизирующие абстрактно-математическую форму единства, «нумерическое единство», в котором происходит отвлечение от качественной основы абстракций и синтеза.

Единство мышления и действительности марксизм усматривает не в мышлении (как у Гегеля) и не в созерцании (как у Фейербаха), а в процессе общественного производства материальной жизни, в практически-предметном преобразовании мира общественным человеком. На этой основе марксизм-ленинизм разрешил вопрос о единстве мышления и бытия, знания и предмета, как гносеологических противоположностей. В диалектическом материализме было впервые достигнуто понимание единства теоретического осмысления действительности (т.е. процесса «превращения» действительности в мысль) и практики (включающей в себя акт превращения идеального замысла, плана в действительность), которое в философии Гегеля было представлено превратно, на основе тезиса о примате мышления над практикой и над природой. Вопрос о единстве мышления и действительности был впервые решен марксизмом конкретно на основе материализма, на основе тезиса о примате материи (природы) и предметной деятельности человека над его мышлением и продуктами мышления.

Конкретное раскрытие единства всегда сводится к отыскиванию всей совокупности опосредующих звеньев (в том числе причинно-следственных отношений), замыкающих противоположные полюсы предмета, к прослеживанию процесса превращения противоположностей друг в друга во всей его сложности и внутренней противоречивости, а вовсе не в абстрактно-формальном приравнивании противоположностей в лоне непротиворечивой абстракции. Легко понять, что деньги – тоже товар, указывал Маркс. Гораздо труднее (но в том-то и состоит задача науки) показать, как и почему товар становится деньгами. А эта задача, в свою очередь, ведет к пониманию товара как единства противоположных экономических форм, как противоречивого единства, развивающегося в форму внешней противоположности, где это единство уже не выступает как простое одно и то же. Здесь мы имеем дело с диалектически противоречивым, с конкретным единством. «Если процессы, противостоящие друг другу в качестве совершенно самостоятельных, образуют известное внутреннее единство, то это как раз и означает, что их внутреннее единство осуществляется в движении внешних противоположностей. Когда внешнее обособление внутренне несамостоятельных, т.е. дополняющих друг друга, процессов достигает определённого пункта, то единство их обнаруживается насильственно – в форме кризиса»⁵. Диалектическое единство выступает как единство противоположностей, а вовсе не как абстрактно-общий «признак», который мог бы быть обнаружен путем сравнения одного с другим и в котором не выражено никакого внутреннего противоречия. Такое

единство определяется и качественно, и количественно, т.е. «числом и мерой». Точно так же единство прерывности и непрерывности обнаруживается вовсе не как то общее, что можно выделить путем сравнения этих двух взаимоисключающих моментов. Такого общего между ними найти нельзя. Их единство обнаруживается и в действительности, и в мышлении совсем иным путем, в анализе процесса их превращения друг в друга, их «исчезновения» одного в другом в составе конкретно-определенного процесса и его продукта. Такое превращение совершается, вопреки Гегелю, вовсе не только в мышлении, но прежде всего в материальной, вне и независимо от мышления существующей действительности, а мышлением только отражается, воспроизводится. Такое понимание категории единства сыграло важную роль в ленинском решении вопроса о единстве диалектики, логики и теории познания. Единство этих трех наук вовсе не есть просто внешнее согласование трех дисциплин, по-прежнему разнородных, т.е. разных «по предмету». Единство их заключается в том, что предмет их один и тот же, хотя и выступавший для сознания как три не только разных, но и прямо исключаящих друг друга предмета. Понять единство в данном случае — значит раскрыть конкретную картину этого одного предмета, выявить заключающиеся в нем противоположности, которые старая философия фиксировала отдельно, как разные предметы, как предметы разных наук, т.е. разрушая действительное единство логики и диалектики, объективного содержания знания и субъективной формы его выражения, и т.д., не умея понять связи, перехода одного в другое, и т.д.

Для современной буржуазной философии характерно отчетливо антидиалектическое понимание проблемы единства. Многие авторы вообще отрицают за категорией единства какой бы то ни было рациональный смысл. Непозитивисты считают единство то искусственной формой, принципом построения «языка науки», то мистической категорией (например, Л. Витгенштейн). Экзистенциалисты, как, например, Ясперс объявляют категорию единства политически-идеологической фикцией, которая якобы противопоставлена современной науке, обязанной, по Ясперсу, заниматься лишь частностями, быть «в противовес единой марксистской науке, партикулярной». Разных единств, по Ясперсу, столько же, сколько индивидуальных «Я», «экзистенций», каждая из них абсолютно бесконечна, неисчерпаема и непознаваема. Иными словами, категорию единства Ясперс старается заменить абстрактно-метафизически понимаемой (т.е. совершенно неопределенной) категорией множества. Другие учения толкуют единство явлений, данных человеку в созерцании, в откровенно теологическом духе (неотомизм), в религиозно-этическом плане и т.д. Все эти учения согласны, однако, в том, что единство есть всегда лишь продукт деятельности субъекта, интерпретируется ли последний как отдельное (индивидуальное) сознание или же как сверхъестественный безличный разум, бог, идея.

Марксистское понимание единства применительно к общественной жизни предполагает конкретно-исторический анализ составляющих его противоречий, от характера которых зависят жизненность и перспективы развития определенного общественного явления. Неустойчивость и нежизнеспособность капиталистического общества определяется тем, что его единство основывается на антагонистических противоречиях, крайнее обострение которых в современную эпоху делает неизбежным революционное разрушение этого единства. В противоположность этому жизнеспособное и развивающееся единство социалистического общества зиждется на неантагонистическом характере его противоречий, представляющих собой противоречия роста, восходящего пути развития во всех областях общественной жизни: экономической, социальной и духовной. Понятие единства не случайно широко используется также и в современной международной политической жизни. В этой области оно отражает тот факт, что с переходом общества от капитализма к социализму стихийное объединение мирового хозяйства силами рынка

заменяется сознательно планируемым единством всех звеньев общественной жизни. Единство международного рабочего движения и социалистической системы обеспечивается сознательным единством теоретических взглядов и практических действий, единством цели, заключающейся в построении коммунизма. В противоположность этому единство капиталистического мира выступает как стихийный результат рыночных отношений, устанавливаемых через конкуренцию, кризисы, войны, захваты и другие антагонистические формы этого единства. Поэтому процессы, связывающие в единый организм страны капиталистического лагеря, ведут к разрушению этого единства, к отпадению от него новых и новых звеньев. Напротив, единство стран социалистического лагеря, составляя новую, исторически высшую форму единства общественных отношений, необходимо упрочивается.

Э. Ильенков

¹ *Аристотель*. Метафизика, V 6, 1016b 17-23.

² Там же.

³ Там же, 1016b 23 – 1017a 3.

⁴ *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения, т. XI, Москва – Ленинград, 1935, с. 427.

⁵ *Маркс К.* Капитал, т. 1, 1955, с. 120.